

Стивен Меннел

ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И АМЕРИКАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ¹

ОХОТА НА МИФЫ

Говорят, что социологи должны заниматься «охотой на мифы», отыскивая слабо обоснованные распространенные представления (Elias 1978: 50–70). Но идея, что простого опровержения этих представлений учеными достаточно для того, чтобы покончить с этими мифами, украсив трофеями стены наших факультетов, представляется весьма спорной. Но все же мы должны поставить их под вопрос и вступить в спор с теми, кто хочет сохранить им жизнь в заповеднике общественного мнения. В своей недавней книге «Об американском процессе цивилизации» (Mennell 2007) я показал, насколько теория процессов цивилизации и децивилизации Норберта Элиаса нуждается в модификации в свете американской истории и насколько она применима в неизменном виде к развитию Соединенных Штатов. Его теория (Элиас 2001а) изначально разрабатывалась на основе социального развития Западной Европы. Но я полагаю, что в общем и целом она прекрасно согласуется с американским материалом и позволяет взглянуть по-новому на некоторые аспекты американской истории в том виде, в каком ее описывают сами американцы.

Мне бы хотелось начать с критического рассмотрения трех распространенных представлений, которые могут оказаться взаимосвязанными друг с другом мифами.

Первое представление состоит в том, что Соединенные Штаты имеют глубоко европейский характер (Луис Харц называл их «осколком» европейского общества) и что, следовательно, американцы—это «точно такие же люди, как мы» (Mennell 2007: 1–4). Подобное представление особенно широко распро-

1 Stephen Mennell, «History, National Character and American Civilisation», *Sociologie*, vol. 4, no. 2–3, p. 285–303.

странено в Великобритании, потому что американцы (или, по крайней мере, большинство из них) говорят по-английски, и, насколько я могу судить, этого достаточно, чтобы убедить большинство британцев, что «европейцы» являются куда большими «иностранцами», чем американцы. Соединенные Штаты действительно появились как осколок Европы, отколовшийся от нее в политическом отношении пару веков тому назад. Но то же самое произошло со странами, которые мы сегодня называем «Латинской Америкой», и все же мы не считаем, что они имеют отчетливо европейский характер (см.: Хантингтон 2003). Чарльз Джонс (Jones 2007) указал на эту аномалию, заметив, что вопреки нашим привычным представлениям, Соединенные Штаты на самом деле имеют куда больше общего с Латинской Америкой, чем с Западной Европой. Несколько упрощая, Джонс утверждает, что Соединенные Штаты и их соседи в южном полушарии имеют схожий исторический опыт, который придает их обществам определенные общие черты и обособляет от Западной Европы. Данный опыт включает наследие завоевания и рабства (которые способствовали появлению таких важных черт, как расовое разделение и расизм), выраженную религиозность и сравнительно высокий уровень насилия. К этому можно прибавить хищническое отношение к природным ресурсам, исторически обусловленное изобилием, с которым столкнулись первопоселенцы.

Второе представление вытекает из мифа об «американской исключительности», в котором особенности американского образа жизни, как правило, сравниваются не с Латинской Америкой, а с Европой. Идея Джон Уинтропа о Новом Свете как «граде на холме» (Winthrop 1994 [1630]), маяке для Старого Света, подпитывала ощущение особости Америки: дескать, Америка — это не Европа. Но дебаты об американской исключительности часто напоминают пресловутый спор о стакане, который наполовину пуст или наполовину полон. Если смотреть на людей с достаточно высокого уровня абстракции, то все они и все их общества могут казаться похожими, а если выбрать слишком низкий уровень абстракции, то различий между людскими группами окажется так много, что любые сходства потеряются в массе деталей. Каждая страна имеет свои особенности, но также и немало общих черт с другими странами. В большинстве случаев особенности служат основанием для бездумной национальной гордости или для изучения их историками и социологами. В случаях, когда они становятся предметом широкого обсуждения, как это имело место с немецким *Sonderweg* или «американской исключительностью», споры приобретают зримый моральный окрас, положительный или отрицательный.

Наконец, наиболее пагубным из этих мифов является представление, что Соединенные Штаты по самой своей природе являются добродетельной моральной силой. Иногда об этом заявляют открыто. Мне довелось увидеть реакцию одного американского ученого на книгу Майкла Манна «Непоследовательная империя» (Mann 2003): пребывая в некотором недоумении, она заявила: «Но ведь Америка — это сила *добра* в современном мире!», словно это было чем-то само собой разумеющимся. И этот случай не единичный. Генерал Brent Scowcroft (советник по национальной безопасности при президенте Джордже Буше — старшем) писал, что «мы утрачиваем нашу ауру

„особости“, веру, что Соединенные Штаты—это совершенно особая, непохожая на другие страны, великая держава. В результате люди все чаще начинают сомневаться в нашей правоте и правоте нашей политики. Нас все чаще считают типичной своекорыстной державой». Даже такие близкие к центру американской власти люди, как Скоукрофт, все еще не могут поверить, что Соединенные Штаты—это такая же своекорыстная держава, как и любая другая. Подобный индивидуальный и коллективный самообман опасен, и, конечно, он не дает оснований для реалистического понимания положения Соединенных Штатов в современном мире или характера американского общества. Соединенные Штаты не являются воплощением зла, как не являются они и воплощением добра: подобно другим странам, они сочетают в себе хорошее и дурное, и, как показывают международные опросы общественного мнения, большинство людей за пределами Соединенных Штатов в последние годы все чаще стало замечать именно дурные стороны.

ПРОБЛЕМА «НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА»

Различия между странами в истории и форме социального развития накладывают свой отпечаток на характер и привычки их народов. Сегодня люди с некоторой нервозностью относятся к идее «национального характера». Под ним я понимаю во многом бессознательные и считающиеся самоочевидными *усвоенные* взгляды и формы поведения, обычно разделяемые жителями одной страны. Иными словами, речь идет о том, что теперь называют модным словом «габитус»². Пьер Бурдьё (Bourdieu 1984) прекрасно описал различия в габитусе, отразившиеся на различиях во вкусах представителей различных классов французского общества. Я же понимаю под этим словом различия в опыте различных наций. Как писал Норберт Элиас,

Эти различия закреплены в языке и образе мысли различных наций. Они проявляются в том, как люди подстраиваются друг к другу в социальном общении, и в том, как они реагируют на события, касающиеся или не касающиеся их самих. В каждой стране формы восприятия и поведения—во всей их широте и глубине—имеют выраженный национальный оттенок. Зачастую они осознаются только при встрече с иностранцами. При взаимодействии с соотечественниками *индивидуальные* различия влияют на сознание настолько сильно, что *общий* национальный колорит, который отличает их от представителей других народов, часто не замечается. Прежде всего, люди часто ожидают, что другие будут реагировать на одни и те же ситуации так же, как и представители их народа. Но видя, что представители других народов реагируют на те же ситуации совершенно иначе, мы мысленно связываем это с их «национальным характером» (Elias 2008 [1962]).

² *Габитус*—слово, которое Элиас всегда использовал в немецких текстах; оно широко употреблялось в межвоенные годы, но до того, как его популяризировал Бурдьё, Элиас (и его переводчики) обычно использовал выражения вроде «склада личности».

Габитус людей обычно несет на себе отпечаток истории и правящих кругов их страны, государства, при котором они живут: «Скажем, в Англии на поведение рабочих оказывает влияние поведение лендлордов и ведущих заморскую торговлю купцов; во Франции моделью служат и придворные вельможи, и пришедшие к власти в результате революции буржуа» (Элиас 2001а, т. 1: 261). В этой статье мне бы хотелось показать, что подобным историческим опытом, определившим американский национальный характер, был опыт постепенного становления все более сильными в сравнении с соседями. Это оказало глубокое влияние на то, как они воспринимают себя и остальной мир и как их воспринимают другие. Проиллюстрируем эту мысль на примере американских нравов, случаев насилия в американском обществе, а также развития американского государства и империи.

МАНЕРЫ В АМЕРИКЕ

Манеры или нравы представляют такой интерес, потому что обычно отражают властные отношения между людьми, обладающими ими. Принято считать, что американские нравы отражают в целом эгалитарный характер американского общества. На самом же деле все обстоит несколько сложнее.

В самом начале английского заселения Северной Америки общество было сравнительно неиерархическим. Среди поселенцев было совсем немного представителей высших слоев английского общества — аристократов или джентри. Ранняя элита состояла из образованных священнослужителей и адвокатов, а также торговцев — людей, которые в самой Англии считались бы представителями преуспевающего среднего класса. Но через Атлантику перебралось также не слишком много представителей низших слоев. Несмотря на это, поселенцы принесли с собой четкое статусное сознание английского общества, и в конце XVII—XVIII веке сложилось довольно значительное нетитулованное колониальное дворянство, которое сознательно строило себя по образцу английских джентри. После обретения страной независимости эта знать по большей части пришла в упадок, если не считать рабовладельческого Юга. Аграрная республика, в которой побывал Алексис де Токвиль в начале 1830-х, была американским обществом на его самом эгалитарном этапе, этапе джексоновской демократии. Токвиль довольно подробно описал свободные и неформальные нравы в отношениях между мужчинами и женщинами, хозяевами и слугами, даже офицерами и другими военнослужащими. В сравнении с Британией, писал он:

В Америке, где привилегии, связанные с происхождением, никогда не существовали и где богатство не приносит никаких особых прав его обладателям, незнакомые между собой люди охотно встречаются в общественных местах, не видя для себя никакой выгоды или опасности в свободном обмене мыслями... Поэтому их общение носит непринужденный, прямой и открытый характер (Токвиль 1992: 413).

Напротив, англичане избегали случайных встреч друг с другом, опасаясь, что такое знакомство, завязанное, к примеру, во время путешествия за пределами своей страны, может оказаться обременительным при возвращении к жестким социальным границам на родине.

Тем не менее конец XIX столетия, «позолоченный век» быстрого промышленного роста и формирования огромных богатств в Америке, был также периодом острого социального соперничества, во время которого толпы *nouveaux riches* ломались в ворота старых социальных элит. Это прекрасно описано в романах Эдит Уортон. Различия в статусе стали более выраженными; книги о хороших манерах продавались в огромном количестве людям, которые хотели подражать манерам старых высших слоев не только Америки, но и Европы. Предпринимались даже попытки введения практики компаньонства, хотя и не слишком успешные — эгалитарные традиции по-прежнему были сильны.

Этот период может показаться отклонением. С некоторыми флуктуациями в XX веке наблюдалась ровно противоположная тенденция, и «неформальные» манеры вновь взяли верх (Wouters 2007). Это касалось не только обычных формул этикета, но и отношений между полами (Wouters 2004).

Важно отметить, что хотя данная связь, конечно, является сложной и запутанной, эта тенденция к преобладанию неформальных отношений сочеталась с тенденциями в распределении доходов и богатства, которое с 1913 года и до последних десятилетий XX века, несмотря на некоторые колебания, стало более равным по сравнению с «позолоченным веком». Но сегодня мы переживаем новый «позолоченный век», когда в Америке (и в меньшей степени в Великобритании) доходы и богатство одного процента наиболее состоятельных невероятно выросли, бедные стали еще беднее, а уровень жизни тех, кого американцы называют «средним классом» (состоящим из высококвалифицированных работников с постоянной занятостью), остается неизменным или падает³. При этом степень социальной мобильности не столь велика, как принято считать: недавнее исследование (Blanden et al. 2005) показало, что в Соединенных Штатах (и Великобритании) она может быть ниже, чем в Канаде, Германии и четырех скандинавских странах. Я назвал такое несоответствие между восприятием и реальностью «проклятием американской мечты» (Mennell 2007: 249–265).

Я не могу привести свидетельств того, как действительно значительное неравенство американского общества отражается на повседневных манерах. Я уже говорил, что манеры отражают властные отношения между людьми, и более эгалитарные манеры в целом считаются показателем широкой «взаимной идентификации». Но известное замечание покойной Леоны Хемсли, что «налоги пусть платит быдло», служит весьма показательным примером пренебрежительного отношения американских богачей к беднякам

3 О долгосрочных тенденциях в распределении доходов и богатства в Европе и Соединенных Штатах см.: Atkinson and Piketty 2007. Более подробный анализ этих вопросов см. в: Mennell 2007: 249–265.

и среднему классу. Так что, возможно, мы имеем дело не с широким кругом взаимной идентификации среди всех страт американского общества, а скорее со своеобразной «восходящей идентификацией»⁴: американский миф-мечта о равенстве активно распространяется при помощи «патриотизма» (т. е. американского национализма) среди средних и низших слоев, но сильные мира сего относятся к многочисленным неимущим весьма прохладно. В манере, больше подходящей для XIX века, принято считать, что «они сами во всем виноваты». Эгалитарные манеры, возможно, служат примером того, что марксисты обычно называют «ложным сознанием».

Соединенные Штаты исторически отличаются от многих стран Западной Европы тем, что в них никогда не было класса, которому удалось бы стать образцовым примером манер и габитуса для всех остальных. Хотя Америка и не имела знати, в ней все же было несколько соперничающих аристократий. И среди этих «аристократий» массачусетская и филадельфийская продолжают оказывать определяющее влияние на восприятие европейцами того, как формировался характер американского общества. В Новой Англии сложилось некое подобие *Bildungsbürgertum*, элиты образованных профессионалов и торговцев. С ними, а также с влиянием коммерческой и профессиональной деятельности можно связать эгалитарное направление в американском габитусе, не выказывающее открытого презрения к согражданам, несмотря на уверенность в превосходстве собственного образования, понимания и вкуса. Побывавшая в Америке в 1830-х годах, вскоре после Токвиля, Гарриет Мартино (Martineau 1837: iii, 10) отмечала необычайную осторожность северян; она описывала «страх перед общественным мнением», во многом схожий с тем, что Элиас называл привычным «самоконтролем» с оглядкой на то, что могут подумать другие. Она полагала, что сможет отличить северян от южан в Конгрессе просто по тому, как они ходят.

В Вашингтоне различия в манерах особенно заметны. Южане кажутся наиболее благородными, а выходцы из Новой Англии — наименее; непринужденность и любезность знати Юга (хотя и не без толики высокомерия) контрастирует с осторожным, несколько неуклюжим и излишне почтительным поведением представителей Севера. Выходца из Новой Англии легко можно опознать по походке. Кажется, будто он постоянно не выпускает из головы мысль, что не может драться на дуэли, в то время как остальные могут. (Martineau 1969 [1838]: I, 145).

Это подводит нас к другой крупной соперничающей аристократии, знати рабовладельческого Юга. Со времен Войны за независимость и до Гражданской войны южанам принадлежала львиная доля политической власти в союзе⁵. И в этом контексте особенно важно упоминание о дуэлях. По утвер-

4 Я благодарен Джоан Гудсблом за этот термин.

5 Три четверти президентов за 72-летний период были представителями рабовладельческого Юга; после Гражданской войны до избрания Линдона Джонсона в 1964 году не было ни одного президента-южанина. В Конгрессе 23 из 36 спикеров палаты представителей и 24 из 36 временных председателей сената были южанами;

ждению Норберта Элиаса, в Германии в XIX веке *Satisfaktionsfähigkeit* — возможность получения сатисфакции на дуэли — стало основным критерием принадлежности к немецкому высшему сословию (Elias 1996: 44–119). И хотя крупнейшие плантаторы пытались подражать английским или французским аристократам, их все же правильнее сравнивать с прусскими юнкерами (Bowman 1993). Одно из сходств состоит в том, что и те, и другие составляли большинство офицеров в национальной армии. И те, и другие автократически правили *Privatrechtsstaat* — они имели право судить и приводить в исполнение приговоры в своих собственных владениях при незначительном вмешательстве государственных органов или вовсе без такового. Государственные власти не вмешивались в отношения между белыми господами и чернокожими в рабовладельческую эпоху, а также в долгие десятилетия действия законов Джима Кроу и суда Линча в период после окончания Реконструкции и в межвоенную эпоху. Не вмешивались они и в то, что теперь принято называть насилием «черных над черными». Последствия этого сказываются и по сей день.

Но конфликты между белыми тоже не слишком волновали государство. Немаловажную роль в социальной жизни Старого Юга играл «кодекс чести» (Wyatt-Brown 1984), и вопросы, касающиеся чести, обычно улаживались на дуэли. Многих европейских путешественников — от Гарриет Мартинео до великого геолога сэра Чарльза Лайелла — поражала распространенность дуэлей: в одном только Новом Орлеане каждый день на дуэли в среднем погибал один человек. Исследователи хорошо изучили различные формы этого «кодекса чести» в Европе и Америке. Роджер Лейн противопоставляет «человека чести» на Юге «человеку достоинства» в Новой Англии (последний предпочел бы уладить спор в суде, не встречаясь на дуэли). Склонность к сутяжничеству с использованием юридического аппарата государства — это не только и не столько результат культурно обусловленных индивидуальных предпочтений, сколько свидетельство степени внутреннего умиротворения и эффективности государственной монополии на легитимное применение насилия на данной территории. Но все же различие между кодексами «чести» и «достоинства» действительно связано с различными индивидуальными и эмоциональными стилями: южанин, как и *Satisfaktionsfähig* представитель *Kaiserreich*, олицетворял «твердость» и бесстрастность; в каком-то смысле это наследие можно наблюдать сегодня в твердой и взвешенной манере речи американских военных.

Нельзя не упомянуть и другие соперничающие элиты — сравнительно автономные социальные элиты многих американских городов в прошлом, плутократию, возникшую после Гражданской войны и обладающую сегодня огромной экономической и политической властью. Также, возможно, следу-

на протяжении полувека после окончания Гражданской войны южан на этих должностях не было. До Гражданской войны 20 из 35 судей Верховного суда были южанами, и они составляли большинство на протяжении всего этого периода; в последующие пять десятилетий после Гражданской войны выходцами из южан были лишь 5 из 26 судей. См.: McPherson 1990: 12–13.

ет упомянуть значение Голливуда и созданных им Героев популярной культуры. Но мне бы хотелось вернуться к идее, что в нашем восприятии прошлого и настоящего Америки слишком большую роль играет модель Новой Англии, тогда как ее южная соперница оказалась незаслуженно забытой, особенно если учесть серьезное смещение баланса сил в пользу Юга с начала 1970-х.

В американских манерах и габитусе есть один забавный момент. Хотя в самих Соединенных Штатах, в отличие от большинства стран Западной Европы, не было какого-то одного высшего класса, манеры которого служили образцом для остальных, Америка и американцы сегодня играют роль такого высшего сословия для остального мира, включая Европу. Так было не всегда. Как заметил Аллан Невинс, до 1825 года британцы, посещавшие Соединенные Штаты, были в основном рабочими и представителями среднего класса, как правило, предпринимателями, склонными с уважением отзываться о равных. Но после 1825 года в Америке стало появляться все больше представителей высшего сословия и лиц свободных профессий, и в их записях о том, что они видели, и о людях, которых они встречали, сквозило высокомерие. Позднее ситуация изменилась вследствие изменения баланса сил между Британией и Америкой. В межвоенный период в XX веке:

Впервые подавляющее большинство британцев высказывало свое уважение к богатой, сильной и необычайно сложной заокеанской нации. В период, который мы назвали периодом «пренебрежительности тори» [1825–1845], путешественники склонны были смотреть на американцев свысока; в более поздний период, который мы назвали периодом «анализа» [1870–1922], они были склонны смотреть на Соединенные Штаты как на равных; но теперь они начали смотреть на Америку снизу вверх! (Nevins 1948: 403.)

Сегодня некоторые американцы считают распространение американской популярной культуры и постоянное подражание американскому стилю — от одежды до пищи и речи — разновидностью «мягкой силы», служащей интересам Америки. Но, возможно, не следует забывать, что буржуазия при *ancien régime* отчаянно подражала придворным, но это не мешало ей ненавидеть аристократию. И это не помешало наступлению Великой французской революции.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В АМЕРИКЕ

Вопросу о насилии в Соединенных Штатах посвящена обширная литература, а в обществе бытует немало мифов о нем. Вопреки распространенному мнению, исторические социологи приходят к выводу, что долгосрочная тенденция к насилию в западных обществах идет на спад. На основе имеющихся английских данных за продолжительный период времени (они доступнее, чем какие-либо другие) Гарр в своем знаменитом исследовании (Gurr 1981) показал, что в Оксфорде XIII века вероятность насильственной смер-

ти была почти в 40 раз выше, чем в середине XX века. Падение уровня насилия не было ровным: наблюдались и краткосрочные флуктуации. Например, большинство стран переживало рост насилия с начала 1960-х годов, но в 1990-х оно вновь пошло на спад. *Тенденции* в том, что касается убийств, в Соединенных Штатах во многом схожи со странами Западной Европы, а также с Австралией и Новой Зеландией. Данные, собранные Эйсером (Eisner 2005), служат весьма убедительным свидетельством в пользу этого.

Но нужно различать *тенденцию* и *уровень* насилия (Mennell 2007: 122–154). Соединенные Штаты отличаются по уровню насилия: в них просто *больше* убийств, чем в сопоставимых странах. Хотя другие формы насилия требуют отдельного рассмотрения, количество убийств на 100 000 человек в год используется в качестве общего показателя насилия, так как убийство — это сравнительно однозначное преступление, и потому сравнивать показатели количества убийств для разных стран довольно просто, чего не скажешь о других формах насилия, которые зависят от меняющихся со временем юридических определений. По этому показателю в Соединенных Штатах совершается в четыре раза больше убийств, чем в сопоставимых странах⁶.

И здесь вновь всплывает еще один распространенный миф: словосочетание «преступление и насилие», часто встречающееся в речи политиков и простых граждан, словно подразумевает, что эти вещи почти синонимичны. Но как показали Зимринг и Хокинс (Zimring and Hawkins 1997), в Соединенных Штатах «преступление не является проблемой». Вероятность того, что ваш дом ограбят, в Лондоне выше, чем в Нью-Йорке. Зимринг и Хокинс продемонстрировали, что количество убийств в Америке не слишком коррелирует с уровнем обычной преступности, вроде мошенничества, воровства и так далее.

Показатели количества убийств не были высокими и в *инструментальных* преступлениях, совершаемых, к примеру, из корыстных побуждений. Необычайно высокий уровень убийств в Соединенных Штатах объясняется распространенностью насилия в состоянии *аффекта*, то есть убийства совершались импульсивно, под действием сильных эмоций. Почему же американцы должны контролировать всплески убийственных эмоций хуже, чем европейцы? Дело не эмоциях, а в том, что в обществе, наводненном оружием, драка после закрытия бара (или домашняя ссора) чаще заканчивается не переломами и синяками, а трупам. И хотя в этом есть зерно истины, это еще не все. Ведь в этом случае вряд ли можно говорить об «американцах» как таковых, так как существуют четкие различия в уровне убийств между различными географическими областями.

Высокий уровень убийств в гетто — особенно в черных гетто — в 1960–1990-х известен всем. Лоик Вакан связал происходящий в них «процесс децивили-

6 Но не во всех: Южная Африка, Россия и некоторые государства Восточной Европы имеют более высокие показатели, но все эти страны объединяет то, что за последние полтора-два десятилетия они пережили суровые политические и социальные потрясения.

зации» с двумя явлениями: с одной стороны, крахом легитимной стабильной занятости и ростом безработицы, временной занятости и незаконной экономической деятельности, в частности, торговли наркотиками; и, с другой стороны, одновременным уходом государственных ведомств — от полиции до почтовых отделений — из гетто во время и после рейгановской эпохи. Одновременно с этим происходила замена «сети социальной защиты» «сетью наказуемой наркоторговли», вследствие чего все большее число молодых американцев, преимущественно черных, попадало в тюрьмы (Petit and Western 2004).

Менее известный, но исторически связанный с этим факт состоит в том, что непропорционально большая часть убийств в Америке совершается на Юге и в тех частях Запада, которые ранее были заселены выходцами с Юга (Lane 1997: 350). Общей причиной этого также является сравнительная слабость государственных институтов в традиционном веберовском понимании государства как организации, успешно притязающей на осуществление власти над определенной территорией на основании монополии на легитимное использование насилия. Как уже было отмечено ранее при рассмотрении южной традиции «чести», на Юге процесс монополизации оказался более затянутым и менее завершенным, чем на Севере. По-прежнему сильна традиция «самостоятельного исполнения закона». Во многих южных штатах на протяжении долгого времени вполне легально можно было убить любовника своей жены (Stearns 1989). (В 1920-х годах в Джорджии был сделан важный шаг в деле освобождения женщины: тогда на вполне законных основаниях можно было убить любовницу мужа.) С 1920-х черных стали линчевать все реже и реже, но эта практика сохранилась до 1960-х годов; на Юге наблюдается высокая степень корреляции между количеством случаев линчевания в прошлом и уровнем убийств в наши дни (Messner et al. 2005). Примечательно, что смертная казнь чаще всего используется в тех штатах и округах, где деятельность линчевателей и практика линчевания в прошлом были наиболее распространены (Brown 1975), причем к смертной казни чаще всего приговаривают чернокожих (Zimring 2003: 89–118).

Питер Спиренбург выдвинул провокационный тезис, что в истории процессов формирования государства в Америке «демократия появилась слишком рано». В большинстве стран Западной Европы процессы централизации заняли несколько столетий, завершившись сосредоточением средств насилия в руках все меньшего числа людей и в конечном итоге созданием сравнительно эффективного монополистического аппарата в руках королей. Хотя этот процесс и был постепенным, без кровопролития среди военной элиты все же не обошлось по мере того, как сокращалось количество игроков, способных вести войну независимо от центрального правителя. Этот процесс подходил к завершению, когда началась европейская колонизация Северной Америки. После того как в конце XVII и XVIII веке была введена стабильная и эффективная королевская монополия на насилие, целью народа в последующей борьбе — как явственно видно на примере Великой французской революции — было не оспаривание или отмена этой монополии,

а скорее «соучастие» в этой монополии. Иными словами, целью был более широкий контроль над теми, в чьих руках находилась монополия, демократизация этой монополии.

Но в Северной Америке «демократизация началась еще до централизации», и «демократия появилась в Америке слишком рано». Под этим подразумевается вполне определенная вещь:

Население просто еще не успело привыкнуть к жизни без оружия. В результате среди американцев закрепилось представление, что само существование монополии на насилие нежелательно. И оно приняло глубоко демократическую форму: ей пользовались не региональные элиты, оберегающие свои частные владения, а простые люди, требующие права на самозащиту... Местные элиты и все чаще простые люди приравнивали демократию к праву на вооруженную защиту своей собственности и интересов (Spierenburg 2006: 109–110).

Спиленбург признает, что было бы упрощением считать, что перехода от борьбы за разрушение монополистического аппарата к борьбе за участие в нем в Соединенных Штатах не было вообще; но правильнее было бы сказать, что «большинство населения желало того и другого одновременно»: оно «признавало реальность государственных институтов, но в то же самое время пестовало этику самосовершенствования». «Сегодня, — отмечает Спиленбург, — идея того, что люди не могут и не должны рассчитывать на защиту со стороны государственных институтов, жива и здорова. Члены мичиганского ополчения прямо говорят об этом в „Боулинге для Колумбины“ [документальном фильме Майкла Мура 2000 года]» (Spierenburg 2006: 110).

ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ

Соединенные Штаты принято считать своеобразной эманацией человеческого духа, словно их существование и конституционное устройство было бескровным продуктом Просвещения, Джона Локка, гения отцов-основателей и чистого демократического принципа «Никаких налогов без представительства!» (Правда, Джон Кеннет Гелбрейт заметил, что хотя в XVIII веке американцы выступали против налогов *без* представительства, они в равной степени выступали бы против налогов *с* представительством.⁷)

На самом деле формирование территориальной единицы, называемой сегодня Соединенными Штатами, было кровавым делом, совершенно непохожим на формирование государств в Западной Европе. Тысячу лет тому назад Западная Европа была раздроблена на множество небольших территорий, каждая из которых управлялась — то есть защищалась и эксплуатировалась — каким-то местным военачальником. Пожалуй, наиболее близким современным эквивалентом этого состояния может служить Афганистан,

7 Цит. по: Gordon 1998: 43.

переживший множество иностранных вмешательств в его дела. По прошествии многих столетий из такой мозаики постепенно возникло несколько более крупных территорий. Это была насильственная борьба «на выбывание» (Элиас 2001а, т. 2: 98–115). Было бы ошибкой считать, что данный процесс был движим «агрессией», как если бы определяющее значение здесь имели личные качества отдельных воинов. В эпоху, когда контроль над территорией составляет главную основу власти, миролюбивый местный магнат не мог просто сидеть и смотреть на борьбу соседей: победитель, установивший контроль над крупной территорией, затем мог бы поглотить маленького миролюбивого соседа. Таким образом, война и «агрессия» были вопросом выживания. У этого процесса было две стороны: по мере *внутреннего* умиротворения больших территорий, *между* территориями вспыхивали все более масштабные войны.

Схожим образом происходило формирование государства в Северной Америке. Разница же была в том, что после создания европейских поселений на борьбу за территории немалое влияние оказывали экзогенные конфликты между великими державами в Европе, а также соперничество, эндогенное для Северной Америки. На ранних этапах этот процесс напоминал борьбу за территории в Африке XIX столетия. Большинство войн в Северной Америке представляли собой продолжение тогдашних войн в Европе, будь то англо-голландские войны, война за испанское наследство, семилетняя война и так далее. В ходе этого соперничества сначала были упразднены шведские колонии, затем голландские, а еще позднее разбиты французы и испанцы. В этой борьбе также участвовали различные индейские племена: они были союзниками европейских держав, попутно занимаясь взаимным истреблением друг друга. Но постепенно борьба стала определяться по большей части эндогенными силами.

Я не собираюсь пересказывать здесь историю начала Войны за независимость; скажу только, что налоги, которые поселенцы не желали платить без представительства, нужны были для осуществления военного контроля над намного большей территорией после вытеснения французов из Канады и области по ту сторону Аппалачей. Но у этой истории есть еще один аспект, помимо общеизвестного. Британцы намеревались сохранить долину Огайо для своих союзников ирокезов, тогда как поселенцы продолжали двигаться все дальше на запад. По крайней мере Теодор Рузвельт в своем «Завоевании Запада» (1889–1899) прямо писал, что Война за независимость была также войной за контроль над завоеваниями. Колонисты были также колонизаторами.

Я не буду останавливаться здесь на том, что получило название «американского холокоста» (Stannard 1992); замечу только, что экспансия на Запад за счет коренных американцев подстегивалась жадными до земли мигрантами, которые подталкивали федеральное правительство к установлению контроля над новыми землями, в отличие от политики, которая проводилась при заселении Канады и Сибири. Сцены, знакомые нам по вестер-

нам, — это приукрашенная версия процесса завоевания и внутреннего миротворения.

Американцы любят говорить, что они *купили* большую часть своих территорий, а не завоевали их силой оружия. И об этом вполне можно говорить применительно к покупке Луизианы, которая привела к удвоению федеральной территории в 1803 году. Но эта сделка была заключена благодаря удачному стечению обстоятельств: она помогла Наполеону избавиться от внешних обязательств. Еще одно крупное приобретение территорий имело место тогда, когда Соединенные Штаты выкупили у Мексики обширный пояс земель. Но это произошло только после того, как они ясно дали понять Мексике, что от этого предложения нельзя отказаться, совершив вторжение в эту несчастную страну и осадив ее столицу. «Бедная Мексика! Она так далеко от Бога и так близко к Соединенным Штатам», — как позднее заметил президент Порфирио Диас. Улисс Грант, который в молодости участвовал в мексиканской войне, считал ее «одной из самых несправедливых войн, которые когда-либо велись сильными странами против слабых. В этой войне республика, следуя дурному примеру европейских монархий, руководствовалась только лишь своим желанием получить дополнительные территории, нисколько не заботясь о справедливости» (Grant 1885: 37).

Нет смысла заниматься морализаторством применительно к этому и многим другим случаям. Я не собираюсь осуждать «плохих» за произошедшее, так как тогда я бы угодил в ту же ловушку индивидуализма, которая определяет сегодняшнее мировидение американского правительства. Скорее, мне кажется, что американское развитие было в целом сравнительно незапланированным долгосрочным социальным процессом. Это служит наглядным примером того, что Норберт Элиас описал в своем двустии:

Вырастающее из планов, но незапланированное,
Движимое целями, но без цели.

(Элиас 2001б: 99.)

С другой стороны, баланс между «случайным» и «преднамеренным» склоняется в сторону спланированного, когда одна из сторон становится великой державой⁸. Взаимодействие этих двух элементов проявилось в создании в 1899 году первой «американской империи» (Zimmerman 2002). Тогда Соединенные Штаты при поддержке Британии — американский флот вышел из Гонконга — вторглись на Филиппины, опасаясь, что если этого не сделают они сами, туда вторгнутся Германия или Япония.

«Доктрина Монро», закрепившая американское господство в западном полушарии, имела схожую историю. В 1819 году британцы предложили выступить с совместной декларацией, призванной помешать испанской реколонизации Южной Америки. Тогда Джон Куинси Адамс, будучи государственным секретарем, настоял на том, чтобы в ней упоминалась только Америка.

8 См.: Elias 1978, chapter 6, 'Games Models'.

Но никто не собирался использовать эту доктрину в случае с более поздним захватом Британией Фолклендских островов — Соединенные Штаты были просто не в силах этому помешать. В начале XX века их влияние заметно выросло, и рузвельтовское дополнение к «доктрине Монро» использовалось при оправдании многочисленных американских военных вмешательств в Латинской Америке на протяжении всего столетия. В начале XXI века «бушевское дополнение» (Mennell 2007: 211–212), изложенное в «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов» в 2002 году, провозгласило, что Соединенные Штаты имеют право нападать на своих противников в любом уголке земного шара, и очень близко подошло к утверждению монопольного права американского правительства на легитимное использование силы во всем мире. Иными словами, пользуясь веберовским определением государства, можно сказать, что нынешний режим вплотную подошел к провозглашению Соединенных Штатов мировым государством. В каком-то смысле Соединенные Штаты уже действуют сегодня как мировое правительство (Mandelbaum 2006). Они притязают на экстратерриториальную юрисдикцию для своих собственных законов во многих областях, отказываясь связывать себя корпусом международного права, признаваемым большинством других стран. Их военные расходы сегодня сопоставимы с совокупными расходами остального мира. Они размещают свои войска по всей планете, разделяя весь мир на американские военные округа⁹. Сегодня они имеют военные базы в двух третях стран мира, включая большую часть бывшего Советского Союза¹⁰. В заключении я попытаюсь извлечь из всего этого кое-какие выводы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо признать, что если бы Соединенные Штаты (или кто-то другой) смогли достичь своей заявленной цели — избавления мира от конфликтов, бушующих в нем, — польза от этого была бы огромной. Тем из нас, кто живет в сравнительно мирных, безопасных и демократических обществах, трудно представить, сколько людей в мире лишено этого. Главное зло, с которым они сталкиваются, — это отсутствие безопасности в повседневной жизни, — угроза насилия или даже гибели, а также голода, болезней и стихийных бедствий. Если бы Соединенные Штаты могли гарантировать высокий уровень безопасности, вроде того, что есть у нас, мы стали бы свидетелями первого по-настоящему международного «процесса цивилизации». Ведь, как говорит Элиас,

Там, где эта (центральная) власть начинает расти, охватывая ту или иную область, и люди на больших или меньших территориях оказываются вынужденными жить в мире, там постепенно меняются и моделирование аффектов, и стандарт организации влечений (Элиас 2001а, т. 1: 281).

9 Их границы обозначены на карте, напечатанной на форзаце книги Каплана: Kaplan 2005. С тех пор они несколько изменились после создания нового африканского военного округа Соединенных Штатов.

10 В 2004 году они имели базы в 130 из 194 стран (Johnson 2004).

Вопрос в том, насколько все это возможно и достижимо в долгосрочной перспективе благодаря усилиям одних только Соединенных Штатов, а не согласованным действиям различных стран посредством многосторонних органов, вроде ООН.

В обозримом будущем американское военное господство неоспоримо. Но такие огромные военные расходы могут привести к тому, что Соединенные Штаты кончат так же, как СССР, который потерпел крах из-за того, что его расходы на вооружения оказались ему не по карману. Все более очевидным становится проницательное предостережение из прощального обращения Эйзенхауэра к американской нации (1961) относительно опасности растущего влияния того, что он назвал «военно-промышленным комплексом». По всей видимости, американское правительство действует сегодня исключительно в интересах ВПК. И эти интересы полностью противостоят требованиям всемирного процесса цивилизации. Американцы не единственный поставщик оружия в неумиротворенные части света, но они являются крупнейшим таким поставщиком. Такие поставки часто использовались для травли противников, как в случае с поддержкой американцами конфликта между суннитами и шиитами (и между различными соперничающими фракциями шиитов). Эта тактика *divide et impera* отвечает краткосрочным интересам Соединенных Штатов, но она полностью противоречит требованиям долгосрочного процесса цивилизации¹¹.

Имеются и другие основания, чтобы усомниться в том, что нынешняя американская стратегия умиротворения всего мира будет успешной. Прежде всего, остальной мир неизбежно будет недоволен силовым господством одной державы, не подчиняющейся никакому демократическому контролю. Американские антиимпериалисты, вроде Марка Твена и Карла Шурца, говорили ровно то же самое сто лет тому назад. Они говорили, что Соединенные Штаты не смогут долго осуществлять господство над жителями своих колоний, не давая им представительства. Им придется либо предоставить независимость, либо сделать их гражданами и наделить их правом голоса. Сегодня американские владения гораздо более обширны. В этих обстоятельствах американские власти со временем могут прийти к выводу, что для проведения своего курса разумнее использовать структуры ООН.

Но оставим эти вопросы силовой политики и международных отношений и сосредоточим внимание на собственно социологическом аспекте проблемы: неверном восприятии американцами самих себя и окружающего мира. Данное неверное восприятие связано с долгосрочным изменением в соотношении сил между Соединенными Штатами и их глобальными соседями.

¹¹ Более мирная версия такой тактики, которую Элиас называл «королевским механизмом» (Элиас 2001а, т. 2: 156–195), предполагавшая, что центральные правители однозначно должны вставать на сторону более слабой группы против группы, которая представляет наибольшую угрозу для центральной власти, часто играла важную роль в процессах формирования государства. И она часто использовалась Соединенными Штатами при укреплении своего влияния в мире. Тем не менее, в своем насильственном виде эта тактика контрпродуктивна.

Это прослеживается на всех уровнях—от микрокосма (к примеру, партнеров в браке) до макромира международных отношений. Ван Столк и Вутерс (Van Stolk and Wouters 1987) выяснили, что женщины, бежавшие от жестоко обращавшихся с ними партнеров, намного чаще говорили о своих мужчинах, чем мужчины о них, и женщины проявляли намного большее внимание к желаниям и потребностям мужчин, чем мужчины к желаниям и потребностям женщин. Когда женщин просили описать своего партнера, они делали это необычайно точно, подробно и проникательно, тогда как мужчины описывали своих жен лишь с использованием клише, применимых ко всем женщинам. По-видимому, особенность неравного соотношения сил заключается в том, что более слабая сторона «понимает» более сильную сторону лучше, чем та ее. Как уроженцу Британии, ныне живущему в Ирландии, мне очевидно, что ирландцы намного лучше знают более многонаселенный и сильный соседний остров, британские дела и британский народ; британцы же почти ничего не знают об ирландской политике и рассматривают «другой остров Джона Булла» сквозь призму замшелых стереотипов. Миллионы образованных людей за пределами Соединенных Штатов многое знают об Америке, ее конституции, ее политике, ее нравах и культуре. Но они словно смотрят сквозь прозрачное с одной стороны зеркало.

Могучая Америка почти ничего не знает об окружающем мире: многочисленные опросы показывают, что большинство американцев не имеет ни малейшего представления о внешнем мире либо же представляет его в стереотипных и манихейских категориях. Гор Видал замечает (Vidal 2006: 6), что «где-то поблизости всегда есть страшный внешний враг, готовый подкрасться к нам ночью во сне и перерезать нам глотки из ненависти к нашему совершенству и розовой округлости». По-прежнему сохраняется нехватка коллективного самопонимания, отмеченная историком Дэвидом Поттером в 1960-х. Он говорил о «странной судьбе» Соединенных Штатов, которые оказывали огромное влияние в современном мире, «совершенно не осознавая природы этого влияния».

В XX веке Соединенные Штаты создали, возможно, первое массовое общество, но американский культ равенства и индивидуализма помешал американцам взглянуть на свое массовое общество с реалистических позиций. Зачастую они смотрели на него так, словно оно было просто бесконечным скоплением Главных улиц в Зените, штат Огайо, описанных в романах Синклера Льюиса (Potter 1968: 136).

Это требует вернуться к трем взаимосвязанным мифам, описанным мною ранее: мифу о глубинной «европейскости» Соединенных Штатов, мифу об «американской исключительности» и мифу о глубокой «непорочности» Америки. Более реалистический взгляд заключается в том, что развитие американского государства и общества имело свои особенности, хотя у него также было немало сходств с процессами, которые разворачивались во многих других странах, и что они не отличаются какой-то особой моральной добродетельностью.

Но каждый из этих мифов подкрепляется нынешним господствующим положением американской державы в мире. В начале европейского заселения Америки Джон Локк, размышляя о возможностях неосвоенной местности, отмечал, что «вначале весь мир был подобен Америке» (Локк 1988: 280). С тех пор огромные достижения Америки — в технологиях, науке, управлении и культуре — помогли изменить мир, причем зачастую не в самую худшую сторону. Иногда мне кажется, что в конце концов весь мир *будет* походить на Америку.

Тем не менее у многих людей в мире такая перспектива вызывает беспокойство. Было бы неплохо, если бы американцы более критически взглянули на самих себя и свое общество. Но их эмоционально нагруженный образ самих себя и своей страны — опять-таки продукт ее успеха и могущества — существенно осложняет такую задачу. И даже многим американским гражданам, недовольным той ролью, которую играют Соединенные Штаты в мире, и знакомым с тем, как на Америку смотрят другие, не так-то просто принять критику со стороны. Эта ситуация таит в себе определенную опасность. Реакцию Америки на нападения 11 сентября 2001 года можно рассматривать сквозь призму предложенной Томом Шеффом (Scheff 1994) идеи «спиралей унижения и возмущения». Эти нападения задумывались, прежде всего, как национальное унижение, которое, в свою очередь, вызвало возмущение, а затем и дикую агрессию, подпитываемую фантазмами. Проблема в том, что пик американского влияния в мире, по-видимому, уже пройден и в последующие десятилетия Соединенным Штатам еще не раз придется столкнуться с национальными унижениями, которые могут повлечь за собой безответственное поведение. Вопрос в том, научится ли мир справляться с той угрозой, которую представляют для него разъяренные Соединенные Штаты, и если да, то как?

Перевод с английского Артема Смирнова

ЛИТЕРАТУРА

- Локк Дж. (1988) *Сочинения*. Т. 3. М.: Мысль.
- Токвиль А. (1992) *Демократия в Америке*. М.: Прогресс.
- Хантингтон С. (2003) *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
- Элиас Н. (2001а) О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга.
- Элиас Н. (2001б) *Общество индивидов*. М.: Практис.
- Элиас Н. (2002) *Придворное общество*. М.: Языки славянской культуры.
- Atkinson, A. B. en T. Piketty (eds.) (2007) *Top incomes over the twentieth century: a contrast between continental European and English-speaking countries*. Oxford: Oxford University Press.
- Blanden, J., P. Gregg en S. Machin (2005) *Intergenerational Mobility in Europe and North America: A Report supported by the Sutton Trust*. London: Centre for Economic Performance, London School of Economics.
- Bourdieu, P. (1984) *Distinction*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Bowman, S. D. (1993) *Masters and Lords: Mid-Nineteenth Century United States Planters and Prussian Junkers*. New York: Oxford University Press.
- Brown, R. M. (1975) *Strain of Violence: Historical Studies of American Violence and Vigilantism*. New York: Oxford University Press.

- Eisenhower, Dwight D. (1961) Farewell Address to the Nation, 17 January, in *Public Papers of the Presidents of the United States*. Washington, dc: United States General Printing Office, 1960, pp. 1035–40.
- Eisner, M. (2005) *Modernity Strikes Back? The Latest Increase in Interpersonal Violence (1960–1990) in a Historical Perspective*, Paper presented at the Fourth Workshop on Interpersonal Violence, Erasmus Universiteit Rotterdam.
- Elias, N. (1978 [1969]) *What is Sociology?* (translated by Stephen Mennell and Grace Morrissey). London: Hutchinson [Volume 5 of the Collected Works of Norbert Elias. Dublin: UCD Press, forthcoming].
- Elias, N. (1996) *The Germans: Studies of power struggles and the development of habitus in the nineteenth and twentieth centuries*. Cambridge: Polity Press [Studies on the Germans, Volume 11 of the Collected Works of Norbert Elias. Dublin: ucd Press, forthcoming].
- Elias, N. (forthcoming 2008 [1962]) National peculiarities of British public opinion. In: Norbert Elias, *Essays on Civilising Processes, State Formation and National Identity*. Dublin: UCD Press [Collected Works, vol. 15].
- Elias, N. en J. L. Scotson (2008 [1965]) *The Established and the Outsiders* (Collected works Volume 4). Dublin: UCD Press.
- Gordon, J. S. (1998) *Hamilton's Blessing*. New York: Penguin.
- Goudsblom, J. (1986) Dutch Sociology in the 1950s: A View from Behind the One-Way Mirror. In: R. Kroes en M. van Rossum (eds.) *Anti-Americanism in Europe*. Amsterdam: vu Press, pp. 112–120.
- Grant, U. S. (1885) *Personal Memoirs of Ulysses S. Grant*. New York: Smithmark.
- Gurr, T. R. (1981) Historical Trends in Violent Crime. *Crime and Justice: An Annual Review of Research* (3) 295–353.
- Hartz, L. (red.) (1964) *The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia*. New York: Harcourt, Brace & World.
- Johnson, C. (2004) America's Empire of Bases. TomDispatch [www.tomdispatch.com] 15 January.
- Jones, C. A. (2007) *American Civilization*. London: Institute for the Study of the Americas.
- Kaplan, R. D. (2005) *Imperial Grunts*. New York: Random House.
- Lane, R. (1997) *Murder in America*. Columbus, oh: Ohio State University Press.
- Mandelbaum, M. (2006) *The Case for Goliath: How America acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York: Public Interest.
- Mann, M. (2003) *Incoherent Empire*. London: Verso.
- Martineau, H. (1837) *Society in America*, 3 vols (London: Saunders & Otley, 1837).
- Martineau, H. (1969 [1838]) *Retrospect of Western Travel*, 2 vols. New York: Haskell House.
- McPherson, J. M. (1990) *Abraham Lincoln and the Second American Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Mennell, S. (2007) *The American Civilizing Process*. Cambridge: Polity Press.
- Messner, S. F., R. D. Baller en M. P. Zevenbergen (2005) The Legacy of Lynching and South-ern Homicide. *American Sociological Review* 70 (4) 633–55.
- Nevins, A. (ed.) (1948) *America through British Eyes*. New York: Oxford University Press.
- Pettit, B. en B. Western (2004) Mass imprisonment and the life course: race and class ine-quality in us incarceration. *American Sociological Review* 69 (2) 151–69.
- Potter, D. M. (1968) Civil War. In: C. Vann Woodward (ed.) *The Comparative Approach to American History*. New York: Oxford University Press, pp. 135–45.
- Roosevelt, T. (1995 [1889–99]) *The Winning of the West* (4 vols). Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Scheff, Thomas J. (1994) *Bloody Revenge: Emotions, Nationalism and War*. Boulder, co: Westview.
- Scowcroft, B. (2007) The dispensable nation? *International Herald Tribune*, 7 August.
- Spierenburg, P. (2006) Democracy came too early: a tentative explanation for the problem of American homicide. *American Historical Review* 111 (1) 104–14.
- Stannard, D. E. (1992) *American Holocaust*. New York: Oxford University Press.
- Stearns, P. N. (1989) *Jealousy: The Evolution of an Emotion in American History*. New York: New York University Press.
- Stolk, A. van en C. Wouters (1987) *Vrouwen in tweestrijd*. Deventer: Van Loghum Slaterus.
- Vidal, G. (2004) *Imperial America: Reflections on the United States of Amnesia*. London: Clair-view.

- Wacquant, L. (2004) Decivilising and demonising: the remaking of the black American ghetto. In: S. Loyal en S. Quilley (eds.) *The Sociology of Norbert Elias*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 95–121.
- Weber, M. (1978 [1920]) *Economy and Society* (2 vols). Berkeley, ca: University of California Press.
- Winthrop, J. (1994 [1630]) A Modell of Christian Charity. In: G. Gunn (ed.) *Early American Writing*. New York: Penguin, pp. 108–112.
- Wouters, C. (2004) *Sex and Manners: Female Emancipation in the West, 1890–2000*. London: Sage.
- Wouters, C. (2007) *Informalization: Manners and Emotions since 1890*. London: Sage.
- Wyatt-Brown, Bertram (1982) *Southern Honor: Ethics and Behavior in the Old South*. New York: Oxford University Press.
- Zimmerman, W. (2002) *First Great Triumph: How Five Great Americans made their Country a World Power*. New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Zimring, F. E. (2003) *The Contradictions of American Capital Punishment*. New York: Oxford University Press.
- Zimring, F. E. en G. Hawkins (1997) *Crime is Not the Problem: Lethal Violence in America*. New York: Oxford University Press.